

МИРА ВОЛОДИНА

НЕВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

ЭМПАТ

18+

Мира Володина

Невечная любовь

<https://litres.ru/74101134>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она не может прикоснуться к человеку, чтобы не утонуть в его боли.

Он не может умереть уже двести лет.

Варя — реставратор и эмпат. Носит перчатки даже летом, потому что любое прикосновение обрушивает на неё чужие мысли, страхи и тайны. И вот к ней в мастерскую приходит заказ от князя Волконского-Оболенского: отреставрировать портрет 1825 года.

Портрет оказывается её зеркальным отражением. А сам князь — холодным, отстранённым и пугающим. Он знает о ней больше, чем должен. Он ждал её двести лет.

Но за его вечностью стоит тень — Морок, древняя сущность, которая хочет занять тело Вари и стать абсолютной. Чтобы выжить, ей придётся научиться не просто чувствовать чужие эмоции — а использовать их как оружие.

Смогут ли они остановить Морока, не потеряв друг друга? И что страшнее — стать жертвой древнего зла или полюбить того, кто уже однажды потерял всё?

«Невечная любовь» — городское фэнтези с элементами тёмной романтики и мистического детектива. Для тех, кто верит, что любовь сильнее смерти.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мира Володина

Невечная любовь

Глава 1

ПРОЛОГ

Ночь. Особняк в Малом Знаменском. Дождь за окном.

Она пришла к нему сама. Без приглашения, без предупреждения — просто стояла на пороге его спальни, в одном пеньюаре, с растрепавшимися волосами, и смотрела на него так, будто он был не холодным вампиром, а всей её жизнью.

— Я не могу уснуть, — сказала она. — Каждую ночь мне снится одно и то же: я стою на краю обрыва, и кто-то зовёт меня вниз. А когда я оборачиваюсь — там ты.

Он молчал. Он стоял у окна, босиком, в расстёгнутой белой рубашке, и держал в руке бокал с чем-то тёмным, что не было вином. Он не пил, просто смотрел на неё — и в его глазах горела такая страсть, что у неё перехватывало дыхание.

— Я искал тебя двести лет. Но я не искал спасения. Я искал прощения. А теперь ты здесь, и я не знаю, что страшнее — принять его или просить тебя уйти.

— Представь, что я это Анна, — ответила она и шагнула вперёд.

Он вздрогнул. Его пальцы сжали бокал так, что стекло

треснуло.

— Не произноси её имени. Не сейчас.

— Почему? Ты боишься, что я увижу её в твоих глазах? Я уже вижу. Она там — сероглазая, в белом платье, с розой в волосах. Она улыбается, а ты плачешь. Ты всегда плачешь, когда думаешь о ней.

— Варя, прошу тебя... — Он сделал шаг к ней, но остановился. — Ты не понимаешь. Если ты сейчас меня не остановишь, то я тебя уже никуда не отпущу.

— Тогда не останавливайся.

Она подошла и сняла перчатки — медленно, одну за другой. Коснулась его руки. Холод. Сначала — пронизывающий, почти болезненный. Но внутри него — дрожь, которую она научилась чувствовать за эти недели. Там, глубоко, под слоем льда, билось что-то живое.

— Закрой глаза. Дай мне посмотреть.

Он послушался.

Воспоминание. 1824 год. Тверская губерния, усадьба Вяземских. Летняя ночь.

Анна стояла у открытого окна, и ветер играл с её светлыми волосами. Сергей подошёл сзади, обнял её, прижался губами к её шее. *Она пахла так, как пахнет старая книга, которую открыли после долгого сна — пылью, воском и чуть-чуть летним садом.* — так пахли те июльские ночи, когда мир казался вечным.

— Я боюсь, — прошептала она.

— Чего?

— Того, что это счастье — не навсегда. Того, что кто-то или что-то захочет отнять его у нас.

— Я никому не позволю. — Он развернул её к себе, заглянул в серые глаза. — Клянусь тебе: я буду защищать тебя, даже если мне придётся бросить вызов самому дьяволу.

Она улыбнулась сквозь слёзы:

— Ты не знаешь, что говоришь. Я боюсь не дьявола. Я боюсь, что он уже в тебе, а ты этого не замечаешь.

— Тогда я узнаю его и убью.

Он поцеловал её — нежно, почти благоговейно. А за его спиной, в тени гардины, мелькнула высокая фигура. Она улыбнулась и исчезла. И в комнате на мгновение повис запах гнилой липы — тягучий, приторно-сладкий, от которого у Анны перехватило дыхание. Она не обернулась. Она знала, кто там стоял.

Настоящее. Спальня князя.

Варя отшатнулась, разрывая контакт. В груди колотилось, в ушах звенело.

— Она была... она знала о тени, — выдохнула она. — Анна знала о Моробе.

— Знала, — кивнул он. — Но не сказала мне. Она пыталась защитить меня, и это убило её.

— Как это случилось?

Он отвернулся к окну. Дождь барабанил по стеклу.

— Она заболела. Горячка. Я нашёл старую ведьму — зна-

харку. Она сказала, что есть способ: обменять её жизнь на что-то вечное. Я согласился, не спросив, что именно я отдаю. Я стал тем, кем стал. Она выжила, но когда увидела, что я перестал быть человеком... она не вынесла этого. Она сбросилась с обрыва. И не просто сбросилась. Она разбила зеркало, в котором отражался Морок, и шагнула в осколки, чтобы он не мог последовать за ней.

— Она испугалась. Не тебя — того, что ты сделал, — тихо сказала Варя.

— Да. — Он повернулся к ней.

Она подошла к нему вплотную, положила ладони ему на грудь. Сердце молчало, но она чувствовала его — то, что осталось от души.

— Я не боюсь твоего чудовища, — сказала она. — Я боюсь только одного: что ты не позволишь мне любить тебя.

Он притянул её к себе, и в этом движении не было ни страха, ни сомнений. Его руки скользнули по её спине, прижимая так сильно, что она почувствовала, как её собственная кровь застучала быстрее.

— Я люблю тебя, Варя, — прошептал он ей в волосы. — Но я не знаю, смогу ли я быть с тобой и не причинить тебе боль.

— Не попробовав, не узнаешь, — ответила она и потянулась к его губам.

Он целовал её так, будто пил в первый раз за двести лет — жадно, неумело, чуть не задохнувшись от собственной

жадности. Она чувствовала его холодную кожу, его неровное дыхание, его пальцы, которые развязывали завязки на её пеньюаре. Он целовал её шею, ключицы, опускаясь ниже, и каждое прикосновение отдавалось электрическим током.

— Я хочу тебя, — выдохнула она.

— Ты не знаешь, о чём просишь, — повторил он слова из прошлого.

— Тогда покажи мне.

Он подхватил её на руки и отнёс на кровать. Дождь за окном усилился, и в этом шуме они оба услышали чей-то шёпот. Но не остановились.

Воспоминание. 1825 год. Та же спальня, но другая — с высокими свечами и пологом.

Анна лежала на подушках, бледная, с влажным лбом. Сергей сидел у её изголовья, держал её руку и шептал:

— Не уходи. Я не переживу.

— Ты переживёшь, — едва слышно ответила она. — Ты должен жить. Ради меня.

— Я не хочу жить без тебя.

— Ты встретишь другую. И ты полюбишь её. А я буду смотреть на вас и радоваться.

— Это невозможно.

— Возможно, если ты позволишь себе верить.

Она улыбнулась, закрыла глаза и уснула. Он сжал её руку и почувствовал, как она холодеет.

— Нет, — прошептал он. — Нет, только не так.

В углу, за пологом, стоял он — Морок. Теперь Сергей мог его видеть. Высокий, неестественно худой, в чёрном балахоне, с лицом, которое не запоминалось — оно менялось каждую секунду, как рябь на воде. Но глаза оставались неизменными: чёрные, с красными прожилками, в которых горел голод. И запах — гнилая липа, приторно-сладкая, заполняющая комнату.

— Ты хочешь спасти её, — прошептал Морок, и голос его звучал как скрип старой двери. — Я дам тебе силу. Но сила требует платы. После этого, ты не будешь человеком. Ты будешь бессмертен. А она — она не захочет быть с чудовищем.

— Замолчи, — прошептал Сергей. — Я же сказал, что я согласен на всё. Забери меня. Лишь бы она выздоровела.

— Она выздоровеет. А я всегда рядом. Я твоя тень. Ты звал меня — я пришёл. И я не уйду, пока ты не освободишь для меня тело. Или не отдашь мне другое.

Морок шагнул ближе, протянул длинные пальцы к лицу Анны. Сергей заслонил её собой.

— Не прикасайся к ней.

— Не буду. — Морок улыбнулся. — Она всё равно моя. Как и ты. Как и та, что придёт через двести лет.

Настоящее. После.

Они лежали рядом, укрытые простынёй, и молчали. Варя положила голову ему на плечо и слушала тишину в его груди.

— Ты слышал её? — спросила она. — Анну. Она сказала, что я приду.

— Я думал, это был просто сон.

— Нет, это было обещание. Она знала, что ты будешь ждать. И она послала меня к тебе.

Он повернулся к ней, провёл пальцем по её щеке:

— Значит, я ждал не зря.

Она приподнялась, опёрлась на локти и посмотрела ему в глаза:

— Но она также сказала, что Морок не ушёл. Он ждал вместе с тобой. И теперь, когда я здесь, он тоже где-то рядом.

Князь помрачнел. Он откинул одеяло, встал, подошёл к окну.

— Да, — сказал он, глядя в темноту. — Теперь он будет охотиться на тебя. Морок не просто ждал. Он *выращивал* тебя. Каждое поколение твоей семьи, каждая сероглазая женщина — он проверял, достаточно ли сильна кровь, чтобы стать его новым телом. Он не может просто так войти — ему нужно приглашение. А приглашает тот, кто носит его внутри. Он ошибся на мне. Я слишком силён, чтобы отпустить контроль. Но ты — ты эмпат. Твоя душа открыта. Ты — идеальный сосуд.

— И что ему нужно?

— Он хочет занять твоё тело. Чтобы жить вечно — уже без меня. И тогда он сможет питаться не только страхом, но и любовью, ненавистью, страстью — всеми эмоциями, которые ты чувствуешь. Он станет абсолютным.

— Мы не можем дать ему такую возможность, — твёрдо

сказала она и встала рядом с ним, обнажённая, не боясь холода. — Мы должны уничтожить его. Вместе.

Он повернулся к ней и поцеловал — легко, но решительно.

— Согласен.

А за окном, в луже под фонарём, отразилась высокая тень. Она улыбнулась и растворилась в дожде. Но запах гнилой липы ещё несколько минут висел в воздухе.

Глава 1. Эмпат, или Как я научилась не трогать людей

Меня зовут Варя

Если вы думаете, что реставрация — это скучно, вы просто никогда не держали кисточку с растворителем над холстом, к которому прикасался сам Репин. Или, в моём случае, не чувствовали этого прикосновения так, будто он стоит рядом и дышит в затылок.

Меня зовут Варвара Никитина. Мне двадцать шесть лет, и у меня есть одна особенность: я слишком остро чувствую чужие эмоции. Психологи называют это «сверхэмпатией». Звучит как суперспособность для дешёвого сериала. *Я называю это «мозг в розетку». Потому что когда кто-то касается меня, я чувствую себя не супергероиней, а тостером, в который сунули вилку.*

На деле это просто значит, что я не могу прикоснуться к другому человеку, чтобы не утонуть в его мыслях и чувствах.

Представьте, что вы надеваете наушники, а там одновременно орут все радиостанции мира. Хором. Выключить

нельзя. Только вместо радиостанций — люди. Со своими страхами, тайнами, пошлыми мыслями и невысказанной болью.

Сейчас десять утра. Я сижу в белом халате над пейзажем Поленова. На руках — тонкие нитриловые перчатки. Моя кожа не касается холста, и мир не лезет в голову. Благодарь.

За окном моросит дождь. Смотрю на мокрое стекло и вдруг замечаю странное движение в отражении. Мне кажется — всего на секунду — что за спиной кто-то стоит. Маленькая сгорбленная фигура в чёрном.

Резко оборачиваюсь.

Никого. Только открытая дверь в коридор.

— Показалось, — шепчу я. — Нервы.

Но сердце уже колотится быстрее.

— Варвара Никитина, ты асоциальный робот, — жизнерадостно заявляет Марья Ивановна, заглядывая в мастерскую. Я подпрыгиваю.

— Господи! Вы меня до инфаркта доведёте.

— Ой, прости. Ты чего дёрганая?

— Нормальная. Работаю.

Мария Ивановна — наш искусствовед. Ей под шестьдесят, она красит губы морковной помадой и обожает сплетни. Я её тоже люблю, но на расстоянии вытянутой руки.

— Слушай, тут частный заказ. Очень щепетильный клиент. Ищет лучшего реставратора начала девятнадцатого века.

— Я государственный сотрудник. Не работаю на частных.

— Варя, это князь.

Я поднимаю бровь.

— Настоящий. Из тех, что до революции. Родовая усадьба в центре Москвы. Говорят, реставрировать Боровиковского.

При слове «Боровиковский» у меня что-то ёкает внутри. Профессиональное.

Я записываю адрес: Малый Знаменский переулок. Практически Кремль под окнами.

— Ладно, дайте номер. Мне как раз нужны деньги на новое оборудование. И кстати, князь — это звучит интригующе.

Мария Ивановна уходит. Я снова смотрю в окно. Дождь усилился. По стеклу текут капли, и на секунду мне опять мерещится тень. Чёрный платок. Сгорбленная спина. И вместе с ней — странный запах. Тягучий, приторно-сладкий. Гнилая липа. Откуда в музее гнилая липа?

Я провела пальцем по стеклу — там, где мелькнул силуэт. Стекло было холодным, но под пальцем, на секунду, мне почудилось что-то влажное, как от дыхания. Я убрала руку — перчатка была сухой. Показалось.

Звонит телефон. Незнакомый номер.

— Варвара Никитина? — голос низкий, с хрипотцой, — меня зовут Павел. Князь Сергей Волконский-Оболенский хочет обсудить реставрацию семейного портрета.

— Добрый день. Я могу подъехать посмотреть состояние. Потом скажу своё решение. Когда удобно?

— Сегодня. Портрет в плохом состоянии. Князь переживает — будет поздно.

— Хорошо. Буду через час.

Вешаю трубку. Голос приятный.

Лирическое отступление о перчатках

Вы думаете, легко быть женщиной, которая носит перчатки даже летом? В Москве, в жару, когда все ходят в шортах, а ты — в лёгких перчатках. Потому что если случайно заденешь руку кондуктора в автобусе, то узнаешь, что у неё муж алкаш, дочь беременна, а вчера сломалась стиральная машина. Привет, испорченный день.

В метро я однажды оперлась о поручень голой рукой — десятки судеб за секунду. Женщина, которую уволят. Парень, едущий к любовнице и ненавидящий себя. Старик с больной спиной. Ребёнок, который хочет пить. Всё сразу — миксером по мозгам.

Иногда, даже в перчатках, я чувствую чужую боль — как электрический разряд, который пробегает по коже. Но если бы это был просто разряд... Это как чужая душа пытается пролезть в твою через поры

После того случая я купила ящик перчаток. Хватит на год.

Друзья? Пара человек знают мою особенность и позволяют мне не прикасаться к ним. Мы общаемся на дистанции вытянутой руки. Буквально.

Одиночество? Это карантин. Добровольный. Пожизненный.

Снимаю халат. Волосы русые, до плеч, глаза серые. Сейчас я выгляжу как типичный музейный работник: джинсы, водолазка, рюкзак с инструментами. Единственное украшение — серебряное колечко поверх перчатки.

Выхожу из мастерской. По пути думаю о странных видениях.

В детстве я тоже иногда видела тени. Бабушка говорила: «Чур тебя, не гляди». Потом они прошли. И вот вернулись?

Ловлю такси.

— В Малый Знаменский.

Водитель молчит — идеальный вариант. Смотрю в окно на особняки. Москва — удивительный город: стекло и бетон перемешаны с лепниной и колоннами.

«Сергей Волконский-Оболенский», — прокручиваю в голове. Звучит как название дореволюционной конфеты.

«Интересно, какой он? Прекрати. Ты едешь на работу».

Такси ныряет в переулок. Солнце слепит глаза. Я разрешаю себе минуту слабости — представить, что еду не на работу, а на свидание. К мужчине, у которого в голове нет пошлых мыслей про кого-то там.

— Мечтай, Варя.

Водитель удивлённо косится.

— Я с Siri, — вру я.

Он верит.

Машина останавливается у кованых ворот. Выхожу и замираю.

В отражении тонированного стекла припаркованного авто вижу фигуру. Маленькую, сгорбленную, в чёрном платке. Она стоит у фонарного столба и смотрит на меня. И я чувствую запах — тот самый. Гнилая липа. Сладкий, приторный, от которого подкатывает тошнота.

Резко оборачиваюсь.

Никого. Только ветер гонит прошлогодний лист.

Я хотела спросить у таксиста, кто это, но поняла, что он не видел. А вдруг мне снова показалось? Я промолчала.

Но сердце колотится в горле. И в голове всплывает детская фраза бабушки: «Чур тебя, не гляди».

Делаю шаг к воротам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.